

— А где они? — спросил Вэнь Бай у Маленького лotosового фонаря.

Малыш-фонарь лишь растерянно мотнул бутоном:

— Не знаю... Взяли и исчезли.

— Бай-Бай, — тихонько позвал фонарик.

— М-м?

Фонарик ткнулся лепестком в листочек бумаги:

— А что там написано?

Вэнь Бай стал читать вслух, слово за словом. Но на середине вдруг осекся.

Он еще раз перечитал строчку, перевел взгляд на Малыша-фонаря, а затем медленно осмотрелся по сторонам.

— Лу Чжэн пишет, что эта бумага — живая. Потому-то нарисованные на ней пастушонок и желтый бык смогли обрести собственное сознание.

— Бумага... живая? — Фонарик наморщил лепестки, не совсем понимая. — Как я?

Вэнь Бай решил, что такое сравнение будет самым доступным, и кивнул:

— Вроде того.

Он опустил ладонь на землю и слегка похлопал по ней:

— Чувствуешь что-нибудь?

В конце концов, оба они были созданы из бумаги, рассудил Вэнь Бай.

Малыш-фонарь свалился с его руки прямо на то место, которого касался Вэнь Бай, и замер, изо всех сил пытаясь уловить хоть какую-то духовную вибрацию. Он старался с такой потугой, что его лепестки до самого основания вспыхнули алым, но так ничего и не нащупал.

— Не-а, — уныло выдохнул он, окончательно сдувшись. — Ничего не чувствую.

Вэнь Бай с улыбкой подхватил его обратно на руки, ласково погладил затекшие лепестки и рассеянно спросил:

— Как думаешь, что означала та последняя фраза мальчишки-пастуха?

— Какая?

— «Я их не люблю!».

— Именно.

Едва произнеся это, Вэнь Бай замер.

Реплика «Я их не люблю!» принадлежала вовсе не ему и не фонарику.

Раздался совершенно чужой, незнакомый голос.

Малыш-фонарь мгновенно сорвался с ладони Вэнь Бая и взмыл в воздух, настороженно оглядывая пространство.

Из темноты донеслось фырканье, и перед ними вальяжно соткался Дух картины.

Вэнь Баю было трудно разобрать, на что это похоже: то ли клок тумана, то ли сгусток перистого облака, едва удерживающий форму.

— Тоже пришел картину отжать? — подал голос дух, нарушая повисшую тишину.

Из-за того, что они находились внутри его собственного мира, голос звучал гулко, объёмно и так давил на уши, что у Вэнь Бая на миг заломило в висках. Оставалось лишь гадать, специально ли дух нагнетает такую акустику.

Чуть справившись с гулом в ушах, Вэнь Бай переспросил:

— «Тоже»?

Выходит, эта сущность принимала его за очередного грабителя?

Дух картины решил, что замешательство парня — признак вины, и взвился:

— Ах ты ж! Точно за картиной приперся!

И надо же было ему послушать старого желтого быка! Тот еще утверждал, будто этот красивый человечек — белая ворона среди прочих, добрый и порядочный!

Малыш-фонарь чуть не задохнулся от возмущения: какая-то туманная дрянь смеет орать на его Бай-Бай!

Фонарик пулей выскочил вперед, заслоняя собой Вэнь Бая, и весь натянулся, словно тетива перед спусканием стрелы.

Опасаясь, как бы Дух картины не навредил малышу, Вэнь Бай поспешно произнес:

— Я здесь не ради того, чтобы забрать свиток.

Дух прекрасно ощущал чистую духовную энергию, исходившую от фонарика, и связываться с ним не горел желанием, но все же въедливо уточнил:

— А за каким чертом тогда?

Вэнь Баю ничего не оставалось, кроме как сослаться на официальные инстанции:

— Поступил сигнал, что с полотном происходят странные вещи. Преисподняя Восточного пика отправила меня разобраться.

Дух опешил:

— Ты из Преисподней?

Не успел Вэнь Бай и кивнуть, как Малыш-фонарь звонко выпалил:

— Он человек Лу Чжэна!

Вэнь Бай:

«...»

Очевидно, в представлении фонарика имя Лу Чжэна обладало куда большей весомостью, чем целое ведомство Преисподней.

Дух картины на некоторое время умолк, переваривая услышанное, а затем спросил уже без былой агрессии:

— Раз ты из Иньси... сможешь устроить мне встречу с господином?

Вэнь Бай сразу понял, о ком речь.

— С мастером Полу?

— Угу! — поспешно откликнулся дух.

Вэнь Баю стало не по себе. Ему было жаль доверчивое создание, и он попытался смягчить удар:

— Прошло слишком много лет...

Дух долго молчал. А когда наконец заговорил, его голос звучал совсем тихо и подавленно:

— Я знаю.

Он медленно опустил плечи, как будто усох и съежился.

— Мне бы просто повидаться... Как те ироды меня умыкнули, я его больше и не видел.

— Умыкнули? — переспросил Вэнь Бай.

— Ну да, — буркнул дух. — На словах-то они все из себя ценители: мол, и мазок у господина не тот, и писать он не умеет... А сами дождались, пока господин уснет, да и стянули меня.

Вэнь Бай нахмурился:

— Разве свиток пропал не после того, как мастер Полу скончался?

— Вот еще! — с жаром возразил Дух картины. — Господин во мне души не чаял! Уходи он в иной мир, обязательно взял бы меня с собой в домовину, чтоб лежали рядышком!

По его тону казалось, что не попасть вместе с хозяином в гроб было для него самым большим жизненным упущением.

Вэнь Бай всерьез усомнился в достоверности историческо-искусствоведческих хроник.

— А самое паскудное, — дух аж зубами заскрипел от обиды, — они давай на мне калякать всякую дрянь!

Вэнь Бай попытался уловить суть:

— Хочешь сказать, на свитке «Ребенок, ведущий быка» есть детали, написанные не рукой мастера Полу?

Дух тоскливо угукнул.

Вэнь Бай окончательно потерял дар речи.

«Где же кроется ошибка?» — теперь он сомневался не только в записях историков, но и в подлинности самого полотна.

Ведь на дошедшем до наших дней свитке, помимо мальчика, быка, пары едва намеченных штрихов дальних гор да проселочной тропки, ничего больше не было — сплошь лаконичная, глубокая пространственная пустота.

Скупой, воздушный задний план всегда являлся визитной карточкой Чжу Фу. А уж фигурки пастушка и быка были выполнены с таким ювелирным мастерством, что ни о какой подделке и речи идти не могло.

— Да потому что всю остальную мазню я сам сожрал! — яростно выплюнул Дух картины.

—... Сожрал?

— Эти ублюдки решили, раз господин не поставил на свитке печать, можно сразу наляпать свою личную! Чтобы, значит, присвоить полотно!

Вэнь Бай даже поперхнулся от неожиданности:

— Мастер Полу поставил подпись?!

Сколько поколений искусствоведов бьются над «Ребенком, ведущим быка», написав сотни диссертаций, но никто и никогда не упоминал о наличии авторского знака!

В те времена культ печатей расцвел пышным цветом: поэты и живописцы то и дело штамповали свои оттиски на чужих работах — эдакий аналог современных памятных отметок.

Однако Чжу Фу почти никогда не метил свои картины: он не искал славы и не обменивался свитками с коллекционерами, а писал исключительно ради собственного удовольствия. Если бы не один высокопоставленный вельможа поздней эпохи, собравший его наследие по крупицам, работы Чжу Фу и вовсе канули бы в небытие.

— Конечно, поставил! — подтвердил дух. — Только скрытую!

— Бай-Бай, а что такое скрытая подпись? — вмешался Малыш-фонарь, у которого от заумных речей уже голова шла кругом.

Вэнь Бай терпеливо пояснил:

— В старину мастера, если не хотели портить клеймом живописную композицию, но желали оставить авторский след, прятали свое имя прямо в рисунке. Например, на пейзаже выбирали краску в тон листве или скалам и вписывали иероглифы прямо среди деревьев. Со стороны ни за что не разглядишь.

Повернувшись к духу, Вэнь Бай спросил:

— И где же мастер спрятал свою подпись?

— На соломенном плаще, — отрезал дух. — Господин ювелирно вывел свой знак, а эти твари булыжником оттиснули мне прямо на макушку печать размером с суповую миску! Мало им было! Какой-то урод решил, что господин плохо нарисовал задний план, и пририсовал мне над головой гору! Да еще и нацарапал сбоку какую-то бездарную ахиною! Что-то вроде «вместе жить, вместе в гробу рыдать»... Сам не понял, че за бред!

И правда, кто вытерпит, если тебе прямо на темя грохнут оттиск с блюдце величиной, да еще и выволокут поверх громоздкие иероглифы про смерть и слезы?

Малыш-фонарь сочувственно похлопал туманный сгусток по боку:

— Эх, как тебя изуродовали-то...

— Угу, — Дух картины аж сжал кулаки, — осквернили по полной.

Вэнь Бай словил легкий шок: где только фонарик набрался таких слов?

— Значит, когда у тебя зародилось сознание, ты просто уничтожил все чужеродные следы? — уточнил Вэнь Бай.

— А им тут не место! — огрызнулся дух. — Да и вора я спуску не давал. Кто потом пытался свиток цапнуть — я всех внутрь затягивал. Продержу неделек этак две-три на строгом режиме и вышвырну. Или вообще саму картину в туман прятал, чтоб снаружи хрен что разглядели.

Дух вздохнул:

— А потом в мире людей духовная энергия совсем иссякла, фимиами мне никто не воскурят, вот я и впал в спячку.

Голос духа внезапно налился тяжелой угрюмостью:

— А когда очнулся... смотрю, какой-то подозрительный дед запер меня в этой беспросветной подсобке! Еще и постоянно приводит каких-то левых мужиков, чтоб я их... обслуживал!

Вэнь Бай:

«...»

Он сдавленно кашлянул и мягко поправил:

— Э-э... это называется не «обслуживал». Тут другое слово нужно.

— А как это еще назвать?! — возмутился дух. — В человеческих любовных романах ровно так и пишут! Заперли в неволе, силой заставляют показываться незнакомцам, те меня щупают, да еще и слюни пускают, неся всякую пошлятину вроде «ах, какая красота, какая грация!». Совсем сдурели, скоты!

Вэнь Бай:

«.....»

Малыш-фонарь снизу вверх уставился на Вэнь Бая:

— Бай-Бай, а что такое любовные романы? И про обслуживание...

Не дав ему договорить, Вэнь Бай мгновенно запечатал ладонью его маленькие лепестки:

— Детям такое слушать рановато.

<http://bllate.org/book/20643/2132767>